

Нет автора

**Отчет о 14-м присуждении наград графа
Уварова**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Отчет о 14-м присуждении наград графа Уварова / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 114 с.

ISBN 978-5-4241-8487-1

ISBN 978-5-4241-8487-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЧЕТЪ

0

ЧЕТЫРНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ,
25 сентября 1871 г. Непремѣннымъ Секретаремъ, академикомъ **К. С. Веселовскимъ**.

Сочиненій по русской и славянской исторіи, представленныхъ въ нынѣшнемъ году на соисканіе наградъ графа Уварова, было двѣнадцать; кромѣ того одно сочиненіе было отложено отъ прошлогодняго конкурса. Для ихъ разсмотрѣнія конференціею Академіи была назначена коммиссія подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. академиковъ: **И. И. Срезневскаго, Я. К. Грота, П. П. Пекарскаго, А. Ф. Бычкова, А. А. Куника, А. А. Шифнера и В. В. Вельяминова-Зернова**. Впослѣдствіи, по отсутствію изъ Петербурга гг. Срезневскаго и Вельяминова-Зернова, ихъ мѣсто, въ составѣ коммиссіи, занимали академики: **А. В. Никитенко и М. И. Броссе**.

Ознакомившись съ переданными ей на разсмотрѣніе сочиненіями, коммиссія избрала рецензентовъ для каждаго изъ конкурсныхъ сочиненій, частью изъ среды своей, частью изъ постороннихъ ученыхъ, и пригласила ихъ сообщить ей подробные разборы къ назначенному для того сроку.

По истеченіи этого срока, коммиссія признала необходимымъ два сочиненія отложить до слѣдующаго Уваровскаго конкурса, по той причинѣ, что рецензія одного изъ нихъ не могла служить коммиссіи основаніемъ для пронанесенія о немъ приговора, а редація

другаго не была вовсе доставлена лицомъ, принявшимъ на себя разсмотрѣніе сочиненія.

Затѣмъ, по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства прочихъ одиннадцати сочиненій, комиссія положила: четыре изъ нихъ удостовѣрь меньшихъ Уваровскихъ наградъ (въ 500 руб. каждая).

I.

Крестянское дѣло въ царствованіи Императора Александра II.
Александра Скребицкаго. 4 тома въ 5 книгахъ. Боннѣ на Рейнѣ
1862 — 1868 г.

Разборъ этого сочиненія, по приглашенію Академіи, былъ составленъ сенаторомъ Н. П. Семеновымъ.

Безъ сомнѣнія, ни одна реформа въ государствѣ не произвела такого кореннаго переворота въ бытѣ народномъ, какъ крестьянская реформа въ Россіи; съ манифеста 19 февраля 1861 г. началась новая эпоха въ жизни нашего народа, и всѣ послѣдующія измѣненія по различнымъ частямъ нашего государственнаго управленія дѣйствуютъ своимъ началомъ Положеніе 19 февраля. При такомъ значеніи освобожденія крестьянъ, понятно, какую высокую цѣну въ глазахъ нашихъ долженъ имѣть всякій трудъ, относящійся до разработки исторіи великаго переворота, до приведенія въ порядокъ матеріаловъ, которые оставило намъ по себѣ это событіе. Но такой трудъ въ настоящее время встрѣтилъ бы, конечно, непреодолимые препятствія. При невозможности приступить къ подобному труду, по мнѣнію г. Семенова, надо считать весьма полезнымъ частную разработку матеріаловъ по крестьянскому дѣлу, сведеніе ихъ въ одно цѣлое, приведеніе ихъ въ надлежащій порядокъ — однимъ словомъ, подготовленіе ихъ для будущихъ историковъ. Такой трудъ исполненъ г. Скребицкимъ.

Его сочиненіе обнимаетъ собою, за все время разработки крестьянскаго вопроса, только періодъ дѣятельности редакціонныхъ комиссій, съ открытія ихъ 4 марта 1859 г., до внесенія полнаго проекта на разсмотрѣніе главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, или собственно до закрытія комиссій, т. е. до 10 октября 1860 г. Авторъ располагалъ матеріалами, доставленными, по распоряженію перваго предсѣдателя этихъ комиссій Я. И. Ростовцева, извѣстному писателю, барону Гакстгаузену, который нагѣревался издать сочиненіе объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи, но,

за смертью, не успѣлъ осуществить свое предпріятіе. Г. Скребицкій былъ приглашенъ участвовать въ этомъ дѣлѣ, но совершилъ свой трудъ уже одинъ, безъ посторонней помощи. Такимъ образомъ, онъ пользовался только матеріалами редакціонныхъ комиссій и сборникомъ правительственныхъ распоряженій по устройству крестьянскаго быта. Никакого другаго матеріала онъ и не могъ имѣть, какъ потому, что барону Гакстгаузену было сообщено только то, чѣмъ могъ въ то время располагать самъ предсѣдатель редакціонныхъ комиссій, т. е. официальные источники, составлявшіе предметъ разработки комиссій, такъ и потому, что когда г. Скребицкій принялся за свой трудъ и продолжалъ его, правительство считало многія бумаги и документы неподлежащими оглашенію, и наконецъ потому, что весьма важная доля частныхъ матеріаловъ не могла быть вовсе обнародована, по близости времени совершившагося событія. По этимъ соображеніямъ, рецензентъ полагаетъ, что для справедливой оцѣнки книги г. Скребицкаго надо стать на исключительную точку зрѣнія. Не бывъ ни участникомъ, ни ближайшимъ свидѣтелемъ дѣла освобожденія крестьянъ, онъ, съ тѣмъ однимъ матеріаломъ, которымъ имѣлъ возможность распоряжаться, не могъ избрать путь чисто исторической его разработки. Какъ онъ отнесся къ своей задачѣ, можно судить изъ предисловія къ сочиненію: «Мы, говоритъ онъ, современники великой реформы, обязаны передать исторической матеріалъ крестьянскаго дѣла послѣдующимъ поколѣніямъ цѣлкомъ, предоставивъ имъ только критическую оцѣнку его, облегченную и проверенную послѣдующимъ опытомъ, для которой не настало еще время. Эта мысль легла въ основѣ разработки матеріаловъ, которыми я располагалъ. Или можно было пользоваться двояко: во-первыхъ, оставивъ въ сторонѣ всѣ частности и подробности, можно было изложить, въ формѣ историческаго повѣствованія, главныя, выдающіяся черты совершившейся реформы; или, во-вторыхъ, не дѣлая различія между главнымъ и второстепеннымъ, за обоими признать одинаковыя права историческаго гражданства. Первая форма изложенія имѣла бы то преимущество, что дала бы большинству публики возможность легко познакомиться съ предметомъ, но по необходимости вѣроятно, часто не безъ основанія, навлекла бы на меня упрекъ въ произвольномъ выборѣ матеріаловъ. Поэтому, отказавшись отъ первой, хотя и болѣе легкой формы изложенія, я съ строгою послѣдовательностью провелъ послѣднюю».

Такимъ отношеніемъ автора къ предмету обусловливаются, по

мнѣнію рецензента, какъ недостатки, такъ и достоинства его сочиненія.

Собственно говоря, у г. Скребицкаго нѣтъ критическаго разбора и оцѣнки матеріаловъ. При такомъ отсутствіи критики, изложеніе всѣхъ матеріаловъ въ одинаковой степени и размѣрахъ, какой бы они ни были относительной важности, лишаетъ должнаго интереса и самое введеніе, въ которомъ авторъ передаетъ исторически ходъ дѣла. Другимъ общимъ недостаткомъ въ текстѣ труда, рецензентъ считаетъ отсутствіе хронологій событій или даже прямыхъ указаній на нее; чрезъ это утрачивается послѣдовательность мнѣній, которыя были высказаны столь большимъ числомъ лицъ и учреждений по крестьянскому дѣлу, и чтеніе сочиненія, глава за главою, дѣлается невозможнымъ. Впрочемъ этотъ недостатокъ искупается системою изложенія, очень удобною для пользованія сочиненіемъ, какъ справочною книгою. Оно издано въ 4 томахъ, изъ которыхъ второй раздѣленъ на двѣ части, что составляетъ пять большихъ книгъ въ 5,382 страницы. Кромѣ введенія, оно содержитъ въ себѣ четыре отдѣла, по тремъ отдѣленіямъ редакціонныхъ комиссій, и четвертому, къ которому отнесены финансовая комиссія и особая, занимавшаяся приготовленіемъ работъ, невошедшихъ въ общую программу докладовъ отдѣленій. Такимъ образомъ первый томъ соотвѣтствуетъ двумъ отдѣленіямъ комиссій: юридическому и административному; двѣ части 2-го тома и третій томъ — хозяйственному отдѣленію, и четвертый — финансовой и особой комиссіямъ. Главы расположены по программѣ докладовъ редакціонныхъ комиссій общему ихъ присутствію, по каждому отдѣленію. Въ каждой главѣ излагается все, что къ предмету ея относится изъ проектовъ, соображеній и отзывовъ лицъ и учреждений, участвовавшихъ въ разработкѣ крестьянскаго дѣла, въ такомъ приблизительно порядкѣ: сначала идетъ изложеніе проектовъ губернскихъ комитетовъ и обзоръ ихъ основаній, затѣмъ соображеній и заключеній редакціонныхъ комиссій и наконецъ отзывы членовъ губернскихъ комитетовъ обоихъ призывовъ. На первой страницѣ каждой главы сдѣланы ссылки на источники, а въ выноскахъ приводятся замѣчанія и соображенія разныхъ лицъ, дававшихъ въ томъ или другомъ порядкѣ свои заключенія.

Кромѣ удачно придуманной системы изложенія, къ достоинствамъ сочиненія г. Скребицкаго рецензентъ относитъ его добросовѣстность въ обработкѣ трудовъ редакціонныхъ комиссій и въ сведеніи въ одно цѣлое его разрозненныхъ частей. То, чѣмъ

онъ пользовался, изложено имъ съ чрезвычайною точностью: соображенія и заключенія редакціонныхъ комиссій, а также отзывы депутатовъ, онъ приводитъ подлинникомъ, почти во всей ихъ цѣлости, что, конечно, было возможно лишь при избранномъ имъ планѣ труда.

Ссылками на источники облегчаются повѣрка сочиненія съ ними и обращеніе къ подлиннымъ, не приведеннымъ въ порядокъ матеріаламъ.

Въ заключеніе, рецензентъ находитъ, что если сочиненіе г. Скребидкаго не можетъ быть названо, въ строгомъ смыслѣ, исторіею крестьянскаго дѣла даже въ редакціонныхъ комиссіяхъ, то все таки оно есть разработанный сводъ матеріаловъ, оставленныхъ ими, и его несомнѣнное достоинство заключается въ томъ, что оно представляетъ собою единственный до сихъ поръ и вѣрный ключъ къ исторической обработкѣ того, что оставили по себѣ эти комиссіи, и будетъ служить важнымъ пособіемъ для послѣдующихъ работъ по исторіи крестьянской реформы. Практическая польза сочиненія г. Скребидкаго увеличивается еще тѣмъ, что въ немъ нашли себѣ мѣсто, хотя и въ пяти большихъ книгахъ, однако въ значительно меньшемъ объемѣ, чѣмъ въ документахъ, изданныхъ офиціальнымъ путемъ и отчасти составляющихъ уже и теперь библиографическую рѣдкость,—все самое существенное изъ трудовъ редакціонныхъ комиссій и губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу.

II.

Иезуиты въ Россіи въ царствованіе Императрицы Екатерины II и до нашего времени. Часть 2-я. Сочиненіе свящ. М. Морошкина. С.-Петербургъ, 1870 г.

Первая часть этого сочиненія уже являлась на судъ Академіи три года тому назадъ, въ числѣ трудовъ, участвовавшихъ въ одиннадцатомъ соисканіи Уваровскихъ наградъ, и была удостоена преміи. Съ тѣхъ поръ талантливый авторъ ревностно продолжалъ трудиться надъ довершеніемъ своей задачи, но, къ сожалѣнію, не успѣлъ довести ее до конца: неожиданная и ранняя кончина пресѣкла полезную учено-литературную дѣятельность отца Морошкина, прежде чѣмъ онъ дописалъ послѣднія главы своего оживленнаго и подробнаго разсказа о судьбѣ іезуитскаго ордена въ нашемъ отечествѣ. Такимъ образомъ, вторая часть сочиненія, которая должна была обнимать собою исторію іезуитовъ въ Россіи съ кончины

Императора Павла I и до нашего времени, была доведена лишь до 1811 года. Въ такомъ видѣ она и явилась въ свѣтъ уже послѣ смерти автора, дополненная нѣсколькими матеріалами, приготовленными имъ для послѣднихъ главъ. Принявъ эту книгу на соисканіе Уваровскихъ премій, Академія пригласила разсмотрѣть ее того же критика, сужденіе котораго о первой части этого сочиненія послужило Академіи основаніемъ для ея приговора объ ней. Въ составленной имъ рецензій, А. Н. Поповъ заявляетъ, что вторая часть сочиненія отца Морошкина содержитъ въ себѣ, не менѣе первой части, любопытныя свѣдѣнія, тщательно собранныя, искусно обработанныя и стройно изложенныя. Имѣя въ виду благопріятный отзывъ писателя, который самъ изучалъ исторію іезуитскаго ордена и обогатилъ нашу литературу прекрасными статьями о политикѣ Римскаго Двора въ Россіи, Академія назначила за книгу отца Морошкина премію, которая вмѣстѣ съ тѣмъ послужить послѣднею данью уваженія Академіи къ памяти трудолюбиваго и даровитаго историка, преждевременно сошедшаго въ могилу.

III.

Сравнительно-критическія наблюденія надъ словеснымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и богатырство Кіевское. Сочин. О. Миллера. С.-Петербургъ, 1870.

Подробный разборъ этой книги былъ составленъ академикомъ Ѡ. И. Буслаевымъ.

Взявъ предметомъ своего сочиненія Илью Муромца, г. Миллеръ сосредоточилъ около этого героя обширное изслѣдованіе вообще всѣхъ былинъ о такъ называемомъ богатырствѣ Кіевскомъ. Изложеніе свое онъ начинаетъ съ эпизода о боѣ отца съ сыномъ, и, усматривая въ этомъ эпизодѣ связь Муромца съ Святогоромъ, переходитъ вообще къ богатырямъ старшимъ; затѣмъ предлагаетъ обстоятельную характеристику эпическаго князя Владиміра и его богатырей, туземныхъ и заѣзжихъ, проводя ее по былинамъ отъ самыхъ раннихъ преданій до позднѣйшихъ слѣдовъ татарщины, Ермака и казачества; потомъ цѣлую главу посвящаетъ каликамъ переходнымъ и отношенію Ильи Муромца къ Идолицу и князю Царградскому, и наконецъ, предложивъ сравненіе Кіевскихъ былинъ съ Новгородскими, заключаетъ свое изслѣдованіе опредѣленіемъ того значенія, какое имѣетъ періодъ Суздальскій въ развитіи нашего богатырскаго эпоса.

Обращаясь къ оцѣнкѣ труда г. Миллера, рецензентъ прежде всего разсматриваетъ методъ, котораго онъ держался.

До сихъ поръ, изслѣдователи былины не брали на себя труда—критически разсмотрѣть всѣ извѣстныя редакціи и варіаціи, въ которыхъ является каждая былина, и для своихъ наблюденій довольствовались тѣмъ или другимъ ихъ пересказомъ, основываясь въ своемъ выборѣ на личномъ вкусѣ. Такое отношеніе къ матеріалу народнаго эпоса противорѣчило основнымъ правиламъ современной филологической критики. Г. Миллеру рецензентъ приписываетъ заслугу исправленія въ нашей ученой литературѣ этого существеннаго недостатка: первою задачею его труда было обстоятельное сравненіе всѣхъ редакцій и варіантовъ каждой былины. Само собою разумѣется, наука не останется при томъ, что только начато г. Миллеромъ; однако во всякомъ случаѣ продолжатели критической работы надъ нашимъ народнымъ эпосомъ будутъ признательны ему за починъ, на который онъ положилъ столько труда. Если бы онъ въ своей книгѣ ограничился только однимъ этимъ дѣломъ, то и тогда, она, по словамъ г. Буслаева, заняла бы почетное мѣсто въ нашей ученой литературѣ.

Собравъ тексты нашего эпоса во всемъ ихъ разнообразномъ обилии, г. Миллеръ приложилъ къ нимъ сравнительный методъ, выработанный нѣмецкими учеными. И прежде многіе сравнивали русскій эпосъ съ народною поэзіею другихъ народовъ; но это дѣлалось не систематически, по частямъ, болѣе случайно, такъ что эти попытки носили на себѣ явный характеръ односторонности. Чтобы устранить этотъ недостатокъ надобно было, запасшись обширными свѣдѣніями сравнительнаго изученія иностранныхъ литературъ, повсюду отыскивать сходное съ русскимъ матеріаломъ, и такимъ образомъ внести русскій эпосъ въ сравнительное изученіе вообще народной поэзіи всѣхъ народовъ, поскольку этотъ предметъ доступенъ современной наукѣ. Задача трудная и уже по тому въ настоящее время не разрѣшимая, что сравнительная наука далеко еще не обошла того громаднаго цикла народностей, который ей предстоитъ. Впрочемъ, г. Миллеръ предусмотрительно ограничилъ область своихъ сравнительныхъ наблюденій: во-первыхъ, онъ сосредоточивается на родственныхъ индо-европейскихъ народностяхъ, и особенно останавливается на эпосѣ германскомъ, какъ наиболѣе разработанномъ; во-вторыхъ, входитъ въ сближенія русскаго эпоса съ поэзіею родственныхъ намъ славянъ, особенно сербовъ, и наконецъ, смѣняя кругъ сравненій съ русскою на-

родностью, проводят параллели между былинами и сказками, загадками, летописными сагами, местными преданиями и проч. Кроме сродства племенного, онъ допускаетъ сродство по одинаковости умственного и нравственного развитія народовъ въ такъ называемомъ эпическомъ періодѣ. Что касается до теоріи заимствованія, то авторъ, находя ее примѣвимою къ нѣкоторымъ исключительнымъ явленіямъ, объясняемымъ дѣйствительно историческимъ вліяніемъ, признаетъ ее непригодною для изслѣдованія такихъ самородныхъ памятниковъ народной жизни, какъ наши былины.

Своими началами былинный эпосъ восходитъ къ доисторической эпохѣ созданія мифовъ, и потомъ, обособляясь вмѣстѣ съ языкомъ, прикрѣпляется къ родной мѣстности, и развиваясь въ теченіе извѣстнаго періода, вноситъ въ свое содержаніе черты народнаго быта и главнѣйшія историческія черты. Такую разновременную смѣсь элементовъ авторъ называетъ *словнымъ составомъ* народнаго эпоса, и всю свою книгу посвящаетъ наблюденію надъ нимъ въ нашихъ былинахъ.

Для опредѣленія мифическихъ основъ русскаго эпоса, онъ пользуется сравнительною мифологіею, прилагая теорію такъ называемой мифологіи природы къ объясненію древнѣйшихъ воззрѣній, лежащихъ въ основѣ богатырскихъ личностей и дѣлъ, для общей же характеристики эпическихъ походовъ онъ руководствуется установленными въ наукѣ, такъ называемыми сказочными формулами. — Въ отношеніи послѣднихъ, г. Миллеръ, по отзыву рецензента, пришелъ къ результатамъ вполне удовлетворительнымъ при настоящемъ состояніи науки; что же касается общихъ принциповъ, къ которымъ авторъ, на основаніи мифологіи природы, старается подвести разнообразныя данныя нашего былиннаго эпоса, то принятую имъ теорію борьбы двухъ элементовъ въ за третьяго, рецензентъ находитъ едва ли соответствующею строгимъ требованіямъ науки. При всемъ томъ, г. Буслаевъ признаетъ, что г. Миллеръ оказалъ несомнѣнную услугу наукѣ, внесеніемъ нашихъ богатырей въ циклъ мифическихъ существъ поскольку наши былины своими ранними основами соприкасаются съ мифами. Но добросовѣстность и предусмотрительность автора не допускаютъ его сказать въ этомъ дѣлѣ послѣднее слово, и остановиться на окончательномъ признаваемыхъ имъ результатахъ, такъ какъ, по его собственному справедливому замѣчанію, еще трудно отличить мифъ отъ исторіи.

Отдавая полную справедливость общесравнительному методу,

которому посвящена большая часть книги г. Миллера, рецензентъ сожалѣетъ, что и прочія научныя средства для изслѣдованія нашего эпоса, т. е. средства лингвистическія и историческія, не доведены въ ней до такой же полноты и не уравнированы со средствами сравнительными. Хотя г. Миллеръ иногда и касается лингвистическихъ соображеній, однако заимствуетъ ихъ изъ вторыхъ рукъ, и поэтому не можетъ относиться къ нимъ критически и самостоятельно. Между тѣмъ, еслибы онъ по всей своей книгѣ привелъ въ стройной системѣ элементъ лингвистическій, то, безъ сомнѣнія, придалъ бы болѣе прочности своимъ изысканіямъ, какъ по мѣтологіи, такъ и по народному быту. Средствами историческими, т. е. литературными письменными памятниками нашей старины, освѣщенными критикою историческою въ собственномъ смыслѣ слова и критикою филологическою, состоящею въ изслѣдованіи устныхъ былинъ въ связи съ письменными памятниками, г. Миллеръ хотя и пользуется, гдѣ представляется къ тому случай, однако не съ тою полнотою, которой требовали эти пособія. Отсюда произошло, что у него явилось много упущеній, которыя бросаются сами собою въ глаза при чтеніи книги. Указавъ на главныя изъ нихъ, рецензентъ переходитъ къ результатамъ, къ которымъ привелъ автора его методъ изслѣдованія.

Во-первыхъ, онъ доказываетъ *своеобразность и цѣльность* нашего эпоса, употребляя для своихъ изслѣдованій преимущественно методъ сравнительный, въ томъ научномъ смыслѣ, какъ этотъ методъ принятъ въ сравнительномъ языковѣдѣніи и сравнительной мѣтологіи. Но такъ какъ эта своеобразность и цѣльность могли развиваться и окрѣпнуть только путемъ исторической формаціи русской народности, то въ этомъ отношеніи у автора встрѣчается много пробѣловъ, при всемъ его желаніи время отъ времени прикрѣплять сравнительные выводы къ историческимъ и бытовымъ фактамъ. Если бы г. Миллеръ постоянно и тверже держался народной почвы, бытовой и исторической, то имѣлъ бы возможность съ болѣею основательностью историческое своеобразіе нашего эпоса противопоставить эпосу германскому. Съ другой стороны, чтобы опредѣлить цѣльность нашего эпоса, надобно было бы понять его во всей его первоначальной, органической цѣлости, какъ онъ является въ гѣтописныхъ сказкахъ, житіяхъ святыхъ, мѣстныхъ преданіяхъ, названіяхъ урочищъ, и проч. Былины же составляютъ только часть этого цѣлага, которое и должно быть собственно названо русскимъ народнымъ эпосомъ.

Во-вторыхъ, авторъ называетъ нашъ эпосъ *простонароднымъ*, слѣдуя общепринятому предразсудку. На это рецензентъ замѣчаетъ, что рѣзкое разграниченіе такъ называемаго образованнаго класса людей отъ простонародной массы возникло только въ позднѣйшее время, и если принять въ соображеніе, сколько былиннаго вошло въ наши лѣтописи и другіе письменные памятники, даже позднѣйшіе, то всѣ эти произведенія древней русской литературы придется назвать простонародными.

Въ-третьихъ, г. Миллеръ, при сопоставленіи русскаго эпоса съ германскимъ, признаетъ первый *болѣе сочувственнымъ*. Сочувствіе къ своему, родному, и особенно въ дѣлѣ народности и народной поэзіи, по замѣчанію рецензента, есть такое естественное явленіе, общее всѣмъ народамъ, и цивилизованнымъ и дикимъ, что о немъ не стоило бы и распространяться, если бы это чувство, воспитанное предвзятою теоріею славянофиловъ, было для г. Миллера только источникомъ воодушевленія въ его трудныхъ изслѣдованіяхъ, а не примѣшивалось бы къ чисто научнымъ выводамъ, которые должны бытъ далеки отъ всякаго личнаго увлеченія. Авторъ съ удивительною скромностію называетъ себя ученикомъ и послѣдователемъ славянофиловъ, между тѣмъ какъ все достоинство его книги составляетъ такое дѣло, которымъ славянофилы всего менѣе занимались, а именно сравнительное изученіе нашего эпоса, самое обстоятельное и добросовѣстное. Поэтому напрасно онъ увѣряетъ, что предпринялъ этотъ утомительный трудъ для того только, чтобы убѣдиться въ истинѣ основныхъ заключеній объ этомъ предметѣ нашихъ славянофиловъ: сравнительныя параллели, которыми онъ сопровождаетъ разборъ нашихъ былинъ, имѣютъ, по мнѣнію г. Буслаева, важное для науки безотносительное значеніе.

Указавъ такимъ образомъ на достоинства и на недостатки труда г. Миллера, рецензентъ заключаетъ, что несмотря на эти послѣднія, изслѣдованіе г. Миллера, по основательности и полнотѣ и по замѣчательной добросовѣстности, оставляетъ за собою далеко все то, что до сихъ поръ было сдѣлано въ нашей ученой литературѣ по русскому народному эпосу.

IV.

Опытъ возстановленія и объясненія Шесторовой лѣтописи. I. Изслѣдованіе о Светелдѣ и Умичахъ. Н. Ламбина (Рукопись.)

Разборъ этого сочиненія былъ составленъ академикомъ А. Ө.